

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	7
Глава 1 Взявшись за руки в темноте	9
Глава 2 Дурная кровь	29
Глава 3 Правоверная	53
Глава 4 Тучи сгущаются	81
Глава 5 Роман в викторианском вкусе	103
Глава 6 Сумерки Бога	124
Глава 7 Две пивные бутылки для внутривенных вливаний	140
Глава 8 Аккордеон и классная доска	159
Глава 9 Лучшие умирают первыми	181
Глава 10 Нужда – мать изобретательности	200
Глава 11 Бродячие ласточки	218
Глава 12 Закручивание гаек	236
Глава 13 Лягушки в колодце	252
Глава 14 Река	269
Глава 15 Прозрение	286
Глава 16 Проданная невеста	299
Глава 17 Пробуждение	315
Глава 18 Земля обетованная	327
Глава 19 Чужаки в своей стране	345
Глава 20 Воссоединение	359
Эпилог Ожидание	384
Благодарности	400
Примечания	405

СЕВЕРНАЯ КОРЕЯ

0 100
мили
0 100
километры

ОТ АВТОРА

В 2001 году я в качестве корреспондента газеты *Los Angeles Times* отправилась в Сеул для освещения событий в Южной и Северной Корее. КНДР в то время была закрыта для американских журналистов. Даже сумев туда попасть, я не получила возможности работать. Оказалось, к западному корреспонденту приставляют «сопровождающих», которые следят за тем, чтобы «гость» не вступал ни в какие незапланированные беседы с простыми гражданами и не отклонялся от заранее утвержденного маршрута по памятным местам города. На фотографиях и на телеэкране жители КНДР производили на меня впечатление роботов, которые только и делают, что стройными рядами маршируют на парадах и участвуют в массовых представлениях, прославляющих вождей. Мне захотелось увидеть истинное лицо северных корейцев, которое скрывается за этой бездушной маской.

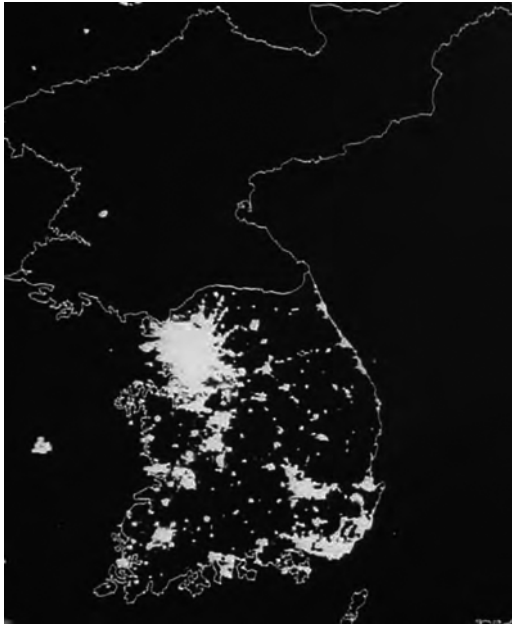
Подлинная картина жизни КНДР стала вырисовываться, когда в Южной Корее я нашла северян, бежавших из своей страны. В результате я написала для *Los Angeles Times* ряд статей, посвященных бывшим жителям Чхонджина — города на севере КНДР. Для того чтобы мои выводы были объективными, я постаралась опросить как можно больше беженцев из одного и того же населенного пункта. Мне хотелось написать о месте, расположенном вдали от тщательно залакированных объектов,

по которым северокорейские власти водят иностранцев. Чхонджин — именно такое место. Это третий по величине город КНДР. Его жители особенно сильно пострадали от голода середины 1990-х годов, и гражданину другого государства попасть туда практически невозможно. Я встретила многих замечательных людей из Чхонджина, которые не пожалели времени на то, чтобы рассказать мне о своей жизни.

Из тех статей, написанных для газеты, и возникла моя книга. Материалом для нее послужили интервью, которые я брала у жителей Северной Кореи на протяжении семи лет. Иногда я разговаривала с человеком один на один, иногда беседа проходила в группе. Некоторые имена пришлось изменить, чтобы не подвергать опасности людей, все еще живущих в КНДР. Для получения объективной картины я сопоставляла рассказы беженцев друг с другом, а также с официальными сообщениями о событиях в Чхонджине. Устные свидетельства, фотографии и видеоматериалы позволили мне написать о городе, в котором я не смогла побывать лично. Поскольку жизнь в Северной Корее абсолютно недоступна для стороннего наблюдателя, представленная в книге информация, разумеется, не может претендовать на исчерпывающую точность. Остается только надеяться, что однажды двери КНДР распахнутся, и мы получим возможность непосредственно судить о том, что же на самом деле происходило в этой стране.

ГЛАВА 1

ВЗЯВШИСЬ ЗА РУКИ В ТЕМНОТЕ

Ночные спутниковые снимки Северной и Южной Кореи

Если вы посмотрите на Дальний Восток из космоса, то увидите большое темное пятно — Корейскую Народно-Демократическую Республику. Рядом с этой черной дырой светятся благополучием соседние государства: Южная Корея, Япония, а в последнее время и Китай. Даже с высоты сотен километров видны рекламные щиты, огни автострад и неоновые вывески ресторанчиков быстрого

питания (сверху они кажутся крохотными белыми точками). Сразу становится ясно, что внизу XXI век: люди работают, отдыхают и активно потребляют энергию. А посреди этого сияния — черный провал размером с Англию. Удивительно, что страна с населением 23 млн человек может показаться безлюдной, как океан. Такова Северная Корея.

Она погрузилась во тьму в начале 1990-х годов. С развалом Советского Союза, снабжавшего дешевой нефтью своего старого союзника по коммунистическому лагерю, развалилась и северокорейская экономика, которая и до того была не слишком эффективна. Электростанции превратились в груды ржавого железа. Погасли фонари. Голодные люди стали забираться на столбы с электропроводами и снимать медный кабель, чтобы выменять его на еду. Теперь после захода солнца страну окутывают серые сумерки, и вскоре ночь поглощает низкие, приземистые дома. Деревни целиком исчезают в непроглядной тьме. Даже в некоторых районах Пхеньяна — столицы и лица страны — иной раз случается идти по широкой улице, не видя домов, стоящих вдоль нее.

Пустыня, в которую превратилась Северная Корея, может напомнить иностранцу глухие деревушки Африки или Юго-Восточной Азии, где люди еще не знают электричества. Однако Северную Корею нельзя назвать неразвитой страной — она просто отделилась от цивилизованного мира. Свидетельства того, что было, но утрачено, встречаются вдоль любого шоссе: это свисающие заржавевшие провода высоковольтных линий электропередач, некогда опоясывавших всю страну.

Северокорейцы постарше хорошо помнят, что когда-то в их государстве с электричеством (а значит, и с едой) дело обстояло лучше, чем в проамерикански настроенной

Южной Кореи. Тем унижительнее для них сегодняшнее сидение в темноте. В 1990-х годах Соединенные Штаты предложили Северной Кореи помощь с энергоносителями, если та прекратит разрабатывать ядерное оружие. Соглашение сорвалось: администрация Буша обвинила КНДР в невыполнении принятых обязательств. Северокорейцы очень недовольны тем, что остались без электричества, и до сих пор винят в своих бедах американцев. Люди не могут читать по вечерам. Не могут смотреть телевизор. «Без электричества у нас нет культуры», — сказал мне как-то здоровяк-охранник.

Впрочем, у темноты есть и свои преимущества. Особенно если ты подросток и встречаешься с кем-то, с кем тебя не должны видеть. Когда взрослые ложатся спать (зимой — часов в 7), легко выскользнуть из дому незамеченным. Темнота позволяет обрести свободу, которой северокорейцам недостает так же, как и электричества. Под магическим покровом ночи можно делать что угодно, не опасаясь назойливых взглядов родителей, соседей или тайной полиции.

Многие беженцы из КНДР рассказывали мне о том, как они полюбили темноту. Но особенно сильное впечатление произвела на меня история одной девушки. В своей книге я буду звать ее Ми Ран. Ей было всего двенадцать, когда она встретила парнишку тремя годами старше из соседнего городка. В запутанной северокорейской социальной иерархии ее семья стояла на нижней ступеньке. Если бы влюбленных увидели вместе, это могло бы сильно повредить карьерным перспективам молодого человека, не говоря уже о репутации девушки. Поэтому все их свидания были попросту долгими прогулками во тьме. Ну а что им еще оставалось? Ведь они стали встречаться в начале 1990-х, когда ни кафе,

ни кинотеатры уже не работали из-за отсутствия электричества.

Свидания назначались после ужина. Чтобы избавить Ми Ран от объяснений со старшими сестрами, младшим братом и любопытными соседями, молодой человек никогда не заходил к ней. Она и ее родные ютились в крохотной квартирке в длинном узком доме с единственной уборной на десяток семей, которая стояла во дворе. Здание было отделено от улицы стеной почти в человеческий рост. Парень нашел за оградой укромное местечко, где с наступлением сумерек никто не мог его увидеть. Голоса соседей, звяканье посуды и звуки, доносящиеся из уборной, скрадывали его шаги. Иногда он ждал часа два или три — время не имело значения. В Северной Корее жизнь течет неторопливо.

Ми Ран прибегала, как только появлялась возможность ускользнуть из дому. Выйдя на улицу, она старательно вглядывалась в потемки, не видя своего друга, но ощущая его присутствие. Ей не было нужды прихорашиваться — к чему в темноте косметика? Иногда девушка шла на свидание в школьной форме: скромная ярко-синяя юбка чуть ниже колен и белая блузка — все из легко мнущегося синтетического материала. Ми Ран была так юна, что могла не беспокоиться о своей внешности.

Поначалу парень с девушкой шли молча, потом начинали перешептываться и лишь за городской чертой расслаблялись, позволяя себе говорить в полный голос. Пока оставалась хоть малейшая вероятность быть замеченными, они держались друг от друга на расстоянии вытянутой руки.

Сразу за городом дорога уходила в заросли деревьев, к горячим минеральным источникам. Когда-то здесь был популярный курорт: сюда, на термальные воды, темпера-

тура которых достигала 55 °С, приезжали полные автобусы китайских туристов, жаждущих исцеления от всяческих артритов и диабетов. Но теперь курорт почти совсем опустел. У входа влюбленных встречал прямоугольник зеркального пруда, окруженный каменной стеной. Тропинки петляли меж сосен, японских кленов и гинкго — любимых деревьев Ми Ран, по осени сбрасывающих свои горчично-жёлтые листья, которые по форме напоминают восточный веер. На соседних холмах деревья вырубili и пустили на растопку, но роща у горячих источников была так хороша, что у местных жителей не поднималась на нее рука.

Территория пришла в запустение: за деревьями никто не ухаживал, каменные скамьи потрескались, а брусчатка аллей скалилась дырами, как щербатый рот. К середине 1990-х все в Северной Корее обветшало, скособоцилось и перестало работать. Что ж, страна знавала лучшие дни. Но по ночам упадок не так бросался в глаза. И в бассейне у горячего источника, мутном и забитом водорослями, по-прежнему отражались звезды.

Ночное небо в Северной Корее — незабываемое зрелище. Пожалуй, это единственное место в Северо-Восточной Азии, где любоваться звездами не мешает ни угольная пыль, ни песок пустыни Гоби, ни угарный газ, от которого задыхается весь континент. Когда-то северокорейские заводы вносили свою лепту в загрязнение атмосферы, но те времена давно прошли, и искусственный свет больше не затмевает блеска звезд.

Влюбленные шли в ночной темноте, шурша опавшей листвой гинкго. О чем они разговаривали? О семье, об учебе, о прочитанных книгах — неважно. Бесконечное очарование этих вечеров не зависело от темы беседы. Много лет спустя, когда я попросила Ми Ран рассказать

о самых счастливых днях ее жизни, она вспомнила те ночные прогулки. Такого не увидишь на фотографиях со спутника. И кто бы ни разглядывал космические снимки — специалисты из ЦРУ или ученые из университетов, — все они смотрят на Северную Корею издалека, не задумываясь о том, что в этой черной дыре, в унылой темной стране, где миллионы людей умирают от голода, есть еще и любовь.

Когда я познакомилась с Ми Ран, ей уже перевалило за тридцать и она шесть лет жила в Южной Корее. Я тогда готовила материал о северокорейских беженцах и попросила ее об интервью.

В 2004 году я возглавила представительство *Los Angeles Times* в Сеуле и должна была освещать события на всем Корейском полуострове. Писать о Южной Корее было легко. Мощная экономика (13-е место в мире), процветающая, пусть и не слишком упорядоченная демократия, весьма энергичные и предприимчивые пресс-службы... Правительственные чиновники здесь дают репортерам номер своего мобильного, и им можно звонить в любое время.

В Северной Корее все было по-другому. Связь страны с внешним миром практически ограничивалась нелепыми нападками на «гнилых американских империалистов» в новостях Центрального информационного агентства Кореи, прозванного Великим ругателем. Соединенные Штаты принимали участие в корейской кампании 1950–1953 годов (первом крупном вооруженном конфликте холодной войны) на стороне Южной Кореи, где до сих пор оставалось 40 000 американских военнослужащих. Для Северной Кореи война словно и не закончилась — так свежа была ненависть к врагу.

Американцев в Северную Корею пускали очень неохотно, а уж американских журналистов и подавно. Когда в 2005 году я наконец-то получила северокорейскую визу и приехала с коллегой в Пхеньян, нам в основном показывали монументы в честь великого вождя Ким Чен Ира и его покойного отца Ким Ир Сена. Нас неотлучно сопровождали двое тощих мужчин в темных костюмах, оба назвались распространенной фамилией Пак. (К иностранцам в Северной Корее всегда приставляют двух соглядатаев, которые должны присматривать еще и друг за другом, чтобы их невозможно было подкупить.) Объяснялись они напыщенным официозным языком. Фраза «спасибо нашему дорогому вождю Ким Чен Иру» звучала вновь и вновь. При разговоре сопровождающие старались не смотреть нам в глаза, и я спрашивала себя: «А верят ли они сами собственным словам? О чем на самом деле думают эти люди? Действительно ли искренне любят своего вождя? Хватает ли им еды? Что они делают, когда приходят домой после работы? Каково это — жить при тоталитарном режиме?»

Было очевидно, что ответы на мои вопросы следует искать за пределами Северной Кореи, и я решила поговорить с людьми, которые покинули эту страну.

В 2004 году Ми Ран жила в Сувоне — ярком суматошном городе, расположенном в тридцати с лишним километрах к югу от Сеула. Там находятся головной офис фирмы *Samsung* и несколько производственных комплексов, выпускающих привычные нам южнокорейские товары — мониторы, CD-дисководы, флешки, цифровые телевизоры. (По статистике, разрыв между экономиками Северной и Южной Кореи вчетверо больше аналогичного показателя для Восточной и Западной Германии перед их объединением в 1990 году.)

Сувон — многолюдный город, пестрый и шумный от обилия спорящих друг с другом цветов и звуков. Как и большинство южнокорейских населенных пунктов, он застроен уродливыми бетонными коробками с кричащей наружной рекламой. Многоэтажные жилые дома раскинулись на многие километры вокруг тесного делового центра, изобилующего заведениями быстрого питания: интернациональными монстрами типа *Dunkin' Donuts* и *Pizza Hut*, а также их корейскими аналогами. На задворках прячутся отели с названиями вроде «Эрос» или «Сад любви», где номера сдаются почасово. Тысячи автомобилей «хёндай» (еще один плод экономического чуда) стоят в привычных пробках, пытаюсь пробраться от торговых центров к дому. Чтобы избежать этих вечных заторов, в Сеуле я села на поезд и через полчаса езды оказалась в Сувоне. Там поймала такси, которое медленно поползло к одному из немногих спокойных мест в городе — гриль-бару напротив крепости XVIII века.

Ми Ран я заметила не сразу: она была совсем не похожа на других северян, с которыми мне приходилось встречаться. В то время в Южной Корее жило около шести тысяч беженцев с Севера. Как правило, им непросто было адаптироваться в новом мире, о чем свидетельствовали, скажем, слишком короткие юбки или бирки, не срезанные с одежды. Однако Ми Ран внешне не отличалась от южнокорейских женщин. На ней были элегантный коричневый свитер и трикотажные брюки в тон. Ми Ран показалась мне скромницей (правда, впоследствии, как это нередко случается, первое впечатление оказалось ошибочным). Волосы у нее были забраны назад и аккуратно заколоты. Выглядела она безупречно — если не считать нескольких прыщиков на подбородке да талии, чуть округлившейся от беременности. Годом раньше она вышла замуж за юж-

нокорейца, служащего в армии вольнонаемным, и вот теперь они ждали первенца.

Я пригласила Ми Ран на обед, чтобы поговорить о северокорейской системе школьного образования. До побега Ми Ран жила в небольшом шахтерском городке и работала воспитательницей в детском саду. Здесь, в Южной Корее, она получала высшее педагогическое образование. Разговор был серьезный, временами даже мрачный. Мы так и не притронулись к еде. Ми Ран рассказывала о том, как ее пяти-шестилетние подопечные умирали от голода. И этим несчастным детям она должна была втолковывать, как им посчастливилось родиться в Северной Корее. Ким Ир Сен, который пришел к власти вскоре после Второй мировой войны и правил страной до самой смерти в 1994 году, уподоблялся богу, а его наследник Ким Чен Ир — божьему сыну, своего рода Христу.

Ми Ран жестко отзывалась о северокорейской системе промывания мозгов. Поговорив об этом пару часов, мы незаметно перешли к теме, которая считается типично женской. В спокойной и искренней Ми Ран было что-то такое, что позволило мне задать ей несколько вопросов личного характера. Как развлекаются молодые северокорейцы? Есть ли в их жизни счастливые минуты? Был ли у нее бойфренд в КНДР?

— Забавно, что вы о нем спросили, — проговорила Ми Ран. — Он как раз приснился мне прошлой ночью...

И она рассказала о рослом и ловком парне с взлохмаченными волосами, падающими на лоб. Оказавшись в Южной Корее, Ми Ран обнаружила, что кумир здешней молодежи актер Ю Чон Сан похож на ее бывшего бойфренда (поэтому я решила назвать его Чон Сан). Молодой человек был очень толковым, учился в одном из лучших университетов Пхеньяна и собирался делать карьеру

в науке. Кстати, еще и поэтому они с Ми Ран не могли встречаться прилюдно.

В Северной Корее нет отелей для свиданий. Случайные связи там считаются предосудительными. И все же я осторожно полюбопытствовала, как далеко у моей собеседницы зашли отношения с парнем. Ми Ран рассмеялась:

— Потребовалось три года, чтобы мы решились взяться за руки. И еще шесть, чтобы поцеловаться. О чем-то большем я даже и не думала. Когда я уехала из Северной Кореи, мне было 26 лет, я работала учительницей, но довольно смутно представляла себе, откуда берутся дети.

Ми Ран призналась, что часто думает о своей первой любви, а когда вспоминает, как они расстались, ее мучит совесть. Ведь Чон Сан был ее лучшим другом, она делилась с ним мечтами и семейными тайнами. Но самую большую тайну Ми Ран от него скрыла. Она никогда не говорила ему, что ей противно жить в Северной Корее, что она не верит словам официальной пропаганды, которые повторяет своим ученикам. А главное, она не рассказывала Чон Сану, что их семья собирается бежать в Южную Корею. И не то чтобы Ми Ран ему не доверяла. Просто там, в Северной Корее, осторожность не бывала чрезмерной. Молодой человек мог проболтаться кому-нибудь, тот — кому-нибудь еще... Никогда не знаешь, где нарвешься на стукача. Сосед доносил на соседа, друг — на друга. Даже любовники могли быть доносчиками. Если бы в тайной полиции узнали о планах Ми Ран и ее семьи, их всех отправили бы в исправительный лагерь в горах.

— Я не могла так рисковать, — призналась моя собеседница, — поэтому даже не попрощалась с ним.

После той первой встречи мы еще не раз возвращались к разговору о Чон Сане. Ми Ран была счастливой

женой, а потом и матерью, но при упоминании его имени всякий раз краснела и речь ее становилась сбивчивой. По-моему, она радовалась, когда я затрагивала эту тему, ведь ей больше не с кем было поговорить о своей первой любви.

— Что с ним теперь? — спросила я ее.

Ми Ран пожала плечами.

Даже через 50 лет после войны северные и южные корейцы не поддерживают никаких связей. Ситуация намного хуже, чем в Восточной и Западной Германии или в других странах, переживших раздел. Между Северной и Южной Кореей нет телефонной и почтовой связи, даже электронная почта недоступна.

Ми Ран и сама хотела бы получить ответ на многие вопросы. Женился ли он? Думает ли о ней? Простил ли ее за то, что она уехала, не попрощавшись? Считает ли ее предательницей Родины?

— Думаю, он все-таки меня понял, — сказала Ми Ран. — Хотя, конечно, этого уже не узнать...

Ми Ран и Чон Сан встретились совсем юными. Они жили на окраине Чхонджина — промышленного города на северо-востоке страны неподалеку от границы с Россией.

Северокорейский пейзаж очень напоминает сдержанную по цвету восточную миниатюру. Встречаются поразительно красивые места (американцу они бы, пожалуй, напомнили тихоокеанское побережье на северо-западе), но ярких красок здесь не увидишь. Цветовая гамма скуповатая: от темной зелени пихты и можжевельника до серебристой белизны горных вершин. Столь характерные для Азии ярко-зеленые лоскуты рисовых полей тут можно видеть лишь несколько месяцев в году, во время летнего сезона дождей. Еще одна короткая цветовая вспышка —

осенний листопад. В остальное время в пейзаже преобладают тусклые бежево-коричневые тона.

В отличие от Южной Кореи, здесь нет шума и суеты. Машин мало, дорожных знаков почти не встретишь. Личные автомобили чаще всего нелегальны, да и мало кому они по карману. Даже трактор на поле увидишь редко, чаще — тощих волов, тянущих плуг. Дома сугубо функциональные, унылой расцветки. Почти нет зданий, переживших Корейскую войну. Большая часть жилого фонда сооружена в 1960–1970-е годы из бетонных блоков и известняка. Квартиры распределяются в соответствии с производственными достижениями и социальным рангом. В городах многие живут в «голубятнях» — невысоких зданиях с маленькими квартирками, а в сельской местности народ в основном ютится в одноэтажных постройках, представляющих собой ряды однокомнатных коробок, прижатых друг к другу и прозванных за это «гармошками». Иногда глаз радуют двери и оконные рамы, окрашенные бирюзовой краской, но большей частью все белое или серое.

В антиутопии «1984» Джордж Оруэлл писал о мире, где цвет остался только на агитационных плакатах. Именно такую картину можно наблюдать в Северной Корее. Яркие изображения Ким Ир Сена выполнены в духе соцреализма. Великий вождь сидит на скамейке, окруженный нарядно одетыми детьми, и благосклонно улыбается. От его лица исходят желтые и оранжевые лучи: он Человек-Солнце.

Красный цвет предназначен для встречающихся на каждом шагу агитационных надписей. Корейский язык использует уникальный алфавит, состоящий из кругов и линий. Красные буквы на фоне серого пейзажа сразу бросаются в глаза. Они шагают по полям, возвышаются

над гранитными скалами, отмеряют километры на шоссе, пляшут на крышах вокзалов и других общественных зданий.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ КИМ ИР СЕН!

김일성 만세!

КИМ ЧЕН ИР – СОЛНЦЕ XXI ВЕКА!

21세기의 태양 김정일 장군 만세!

ДАВАЙТЕ ЖИТЬ ПО-СВОЕМУ!

우리 식으로 살자!

СЛОВО ПАРТИИ – ЗАКОН!

당이 결심하면 우리는 한다!

НАМ НЕЧЕМУ ЗАВИДОВАТЬ!

세상에 부럼 없어라!

В детстве Ми Ран не имела причин не верить этим лозунгам. Ее отец был простым рабочим. Их семья жила бедно, как, впрочем, и все, кого Ми Ран знала. Любые зарубежные издания, фильмы и радиопередачи были недоступны, поэтому девочка считала, что нигде в мире людям не живется лучше, чем у нее на Родине, что во многих странах не хватает еды. Много раз она слышала по радио и телевидению о несчастных южнокорейцах, которые изнывали под каблуком у проамериканского марионеточного диктатора по имени Пак Чон Хи, а затем и у его преемника Чон Ду Хвана. Девочке внушали, будто «мягкий» вариант китайской коммунистической системы менее совершенен, чем строй Ким Ир Сена, поэтому миллионы китайцев голодают. В общем, Ми Ран была уверена, что ей

очень повезло родиться в Северной Корее под отеческой опекой великого вождя.

В самом деле место, где выросла Ми Ран, в 1970–1980-е годы было относительно благополучным. Типовая северокорейская деревня с населением около тысячи человек благодаря усилиям централизованного планирования мало чем отличалась от сотен других населенных пунктов, зато могла похвастаться удачным расположением. Восточное (Японское) море было всего в 10 км, так что местные жители иногда могли поесть свежей рыбы и крабов. У поселка имелись и другие преимущества: близость к городу, к промышленным окраинам Чхонджина, а также возможность выращивать овощи. Ведь относительно плоская местность, где расположена деревня, — настоящее благо в стране, где равнинных земель, пригодных для посева, вечно не хватает. Неподалеку, у горячих источников, располагалась одна из многочисленных загородных вилл Ким Ир Сена.

Ми Ран была младшей из четырех сестер. В 1973 году, когда она родилась, появление на свет девочки считалось в Северной Корее такой же неудачей, как и в Англии XIX века (вспомните роман Джейн Остин «Гордость и предубеждение», где описано незавидное положение семьи с пятью дочерьми). Северная и Южная Корея придерживаются конфуцианской традиции, согласно которой сыновья продолжают род и заботятся о стариках. Родители Ми Ран, в конце концов, избежали трагедии, потому что через три года после ее появления на свет у них родился мальчик. Это означало, что младшая дочь с тех пор была обделена вниманием.

Семья жила в доме-«гармошке» в однокомнатной квартире, соответствующей положению отца Ми Ран в социальной иерархии. Входная дверь вела прямо в ма-

ленькую кухню, где стояла печь, которую топили дровами или углем. Ее использовали для приготовления еды и обогрева дома с помощью традиционной корейской системы отопления ондоль: горячий воздух шел под пол. Раздвижные двери отделяли кухню от комнаты, где вся семья спала на циновках, которые днем сворачивались. С рождением мальчика семья выросла до восьми человек: пятеро детей, родители и бабушка. Поэтому отец Ми Ран дал взятку председателю народного комитета, чтобы тот позволил добавить к их квартире смежную комнату и прорубить в нее дверь.

В квартире, ставшей более просторной, семья разделилась по половому признаку. Во время обеда женщины, теснясь за невысоким деревянным столиком рядом с кухней, ели кукурузную кашу, которая была дешевой и менее калорийной, чем рис, главный продукт питания северокорейцев, предназначавшийся для отца и сына. Они ели за отдельным столом. «Я думал, это вполне естественно», — скажет мне позднее Сок Чу, брат Ми Ран.

Если старшие сестры и обращали внимание на такое неравенство, то шума не поднимали. Одна Ми Ран рыдала и требовала справедливости. «Почему только Сок Чу покупают новые туфли? — спрашивала она. — Почему о Сок Чу мама заботится, а обо мне нет?»

Вопросы оставались без ответа.

Впоследствии Ми Ран не раз восставала против налагаемых на девушек ограничений. В то время в Северной Корее женщинам не полагалось ездить на велосипедах: это считалось некрасивым и даже непристойным. Время от времени негласный запрет узаконивался указами Трудовой партии. Но Ми Ран все было нипочем. С одиннадцати лет она ездила в Чхонджин на единственном в семье велосипеде старой японской модели. Ей хотелось

вырваться из гнетущей атмосферы маленькой деревни и бежать — все равно куда. Поездка была трудная для ребенка: три часа в гору и только часть пути по асфальтированной дороге. Мужчины обгоняли ее, ругая за дерзость. «Эй, ты, задницу не порви!» — кричали они ей.

Иногда группа подростков неслась прямо на нее, пытаясь сбить с велосипеда. Ми Ран ругалась в ответ. В конце концов, она научилась пропускать оскорбления мимо ушей, продолжая крутить педали.

В родном городе Ми Ран было только одно место, где она могла расслабиться, — кинотеатр. Он есть в каждом городе КНДР, независимо от его размера. Этим северокорейцы обязаны убежденности Ким Чен Ира в том, что кино — необходимый инструмент воспитания масс. В возрасте тридцати лет (в 1971 году) Ким Чен Ир стал руководить Отделом агитации и пропаганды Трудовой партии, которому подчинялись все киностудии страны. В 1973 году будущий вождь опубликовал книгу «Об искусстве кино», в которой изложил свою теорию: «Социалистическое искусство является чрезвычайно эффективным средством, вдохновляющим людей на труд во благо революции».

В годы правления Ким Чен Ира площадь Корейской студии художественных фильмов на окраине Пхеньяна приблизилась к квадратному километру. Студия выпускала сорок фильмов в год. В основном это были типовые драмы о пути к счастью через самопожертвование и пренебрежение личным ради блага коллектива, об упадке и разложении капитализма. Посетив студию в 2005 году, я увидела там декорацию типичной улицы Сеула в представлении северокорейцев — ряды обшарпанных магазинов и притонов.

Несмотря на то что в кинотеатре показывали лишь чисто пропагандистские фильмы, Ми Ран обожала туда ходить. Как все дети, выросшие в северокорейской провинции, она очень любила кино. Когда девочка стала достаточно взрослой для самостоятельных культпоходов, ей пришлось клянчить у мамы деньги на билет. Стоил он недорого — всего полвона, то есть несколько центов, как стакан лимонада. Ми Ран смотрела все подряд. Некоторые фильмы считались недетскими, например картина «Любовь, любовь, моя любовь!»*, вышедшая на экраны в 1985 году. В одной из ее сцен был намек на поцелуй. Вообще-то исполнительница главной роли просто опустила зонтик, и зрители не видели прикосновения губ, но и этого оказалось достаточно, чтобы установить возрастное ограничение: детям разрешалось смотреть фильм только в сопровождении взрослых. Голливудская кинопродукция была, конечно, под запретом, как и почти все иностранные ленты, за исключением некоторых российских, которые особенно нравились Ми Ран. В них было меньше откровенной пропаганды и больше романтики, чем в отечественных.

Неудивительно, что мечтательная девушка, обожавшая смотреть фильмы про любовь, искала ее и в жизни.

Ми Ран и Чон Сан встретились в 1986 году, когда электричества было еще достаточно, чтобы запустить кинопроектор. Дом культуры, самое внушительное сооружение в городе, построили в 1930-е годы, во время японской оккупации, в популярном тогда помпезном стиле. Весь фасад двухэтажного кинотеатра (внутри имелись партер

---

* Режиссер — Син Сан Ок (1926–2006). Работал в Южной Корее, КНДР и США. Участник престижных международных кинофестивалей. Наиболее известен по фильмам «Принц Йон Сан» и «Пульгасари». — *Прим. ред.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине «Электронный универс»
(e-Univers.ru)